

О. А. Абеленцева

Судебное производство в Успенском Тихвинском монастыре во второй половине XVII в.

Успенский Тихвинский монастырь был основан царем Иваном Грозным в 1559/60 г. Вероятно, в это же время ему было пожаловано право суда над населением вотчин. Жалованная грамота Ивана IV не сохранилась, ее содержание передает «переписанная» с нее грамота 1584 г. его сына Федора Ивановича: «И хто у них в их монастырьских дворех в Великом Новгороде на посаде и в их монастырьских вотчинах селех и деревнях и починках учнут жити людей и крестьян. И наместницы наши Великого Новагорода и ладожский и их тиуны тех их слуг и всяких людей и крестьян не судят ни в чем опричь душегубства, и разбоя, и татьбы с поличным». В тех же формулировках текст о судебных полномочиях монастыря переписывался в грамоты царей Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Федоровича¹. Со временем происходили изменения, которые обобщенно описаны в подтверждении грамоты царями Иоанном и Петром Алексеевичами в 1684 г.: «...быти во всем по тому, как в сей жалованной грамоте написано, кроме тех статей, которые Уложением и новыми их государскими указами, и новоуказными статьями отставлены, которые указы и статьи состоялись в прошлых годех...»²

В историографии отмечалось, что церковный суд, в данном случае — монастырский, действовал как вотчинный для населения, проживавшего на землях монастыря³. Судебные дела из монастырских вотчинных архивов обладают

большим информационным потенциалом. С одной стороны, они знакомят с деталями повседневной жизни локальных сообществ, а с другой — отражают процесс постепенных изменений в части судебного иммунитета духовенства и местного судопроизводства⁴. В данной статье изложены предварительные замечания о функционировании местного монастырского суда в основном в первое десятилетие после принятия Соборного уложения 1649 г.⁵ Как отмечал А. Г. Маньков, Уложение не касалось вотчинного суда⁶. Одна из целей нашего исследования — установление воздействия нового правового кодекса на местную правоприменительную практику. Также предполагается описать характер исков, подававшихся в суд, особенности местного судебного делопроизводства и мотивировку выносимых приговоров.

Возможность судиться на месте, т. е. на Тихвинском посаде, была выгодной для жителей — им не надо было на время процесса отрываться от своих повседневных дел, тратиться на дорогу и постоя. Некоторые жители Тихвинского посада, отличавшиеся буйным нравом, охотно пользовались имеющимися возможностями. Например, посадские кузнецы Федор Жирухин с приятелями и Конон Чаплин с родственниками за июль и август 1659 г. подали друг на друга семь исков с обвинениями в матерной брани, побоях, подкупе свидетелей, угрозах убийством и краже. По пяти из них состоялись приговоры, в трех случаях — о битье батогами⁷. В этой ситуации обращает на себя внимание оперативность рассмотрения дел. Прения сторон и опрос свидетелей, как правило, проходили в Таможенной избе на Тихвинском посаде в присутствии монастырского слуги (тиуна) и таможенного целовальника (или нескольких). Состав заседавших представителей властей зависел от важности дела — тяжести проступка, суммы иска и социального положения истца и ответчика в местном сообществе. Если требовала ситуация, на таких заседаниях присутствовал монастырский судебный старец или кто-то из братии. Иногда заседали в монастыре в судебной келье, но в связи с редкими упоминаниями ее в документах невозможно установить, в каких именно случаях это место выбиралось для слушаний.

Почти все сохранившиеся судебные дела относятся ко второй половине XVII в. Монастырский архив за XVI — первую четверть XVII в. почти полностью был уничтожен в Смуту и во время пожара в обители в 1623 г. Первые судебные дела из монастырского архива датированы 1648 г. Можно предположить, что дела за 1623—1647 гг. были по какой-то причине уничтожены. За 1648—1649 гг. осталось три дела, касающихся имущественной тяжбы тихвинских торговых людей Мининых⁸, которая продолжалась и в последующие годы, и одно дело торгового и ремесленного человека красильника Василия Филиппова.

Какие же дела рассматривались в монастырском суде? В качестве примера для анализа тематики исков нами взяты судебные дела за 1648—1660 гг. Два из них относятся к 1648 г., а остальные оформлены после принятия Соборного уложения 1649 г. Общее число составляет 115. Не все дела имеют точную дати-

ровку, некоторые помечены сентябрьским годом, другие не имеют дат, и время их оформления определяется на основании информации в текстах — упоминании отдельных лиц и обстоятельств. Учитывая сказанное, число дел делится по годам следующим образом: за 1650 г. дошло 1 дело, за 1651—1656 гг. — 4, за 1657 г. — 31, за 1658 г. — 22, за 1659 г. — 30, за 1660 — 23. Не все судебные дела сохранились полностью. В связи со сложной судьбой монастырского архива в 1920-х гг. мы не можем с уверенностью сказать, были ли некоторые дела по какой-то причине не окончены или их части утрачены. Кроме того, имеется несколько дел за 1660-е гг., в которых рукой монастырского казенного дьячка Власа Зайцева написан начальный протокол приговора с датой и именами присутствовавших, но без решения⁹. То есть по какой-то причине оно не было принято.

Расследование дел проходило в основном в рамках обвинительного процесса, инициируемого подачей челобитной пострадавшей стороной¹⁰. Розыскные процессы, инициированные монастырем, случались редко. От них сохранились лишь отдельные документы, например связанные с борьбой монастыря против изготовления населением хмельных напитков.

По тематике исков анализируемые дела можно условно разделить на несколько групп. Две относятся к гражданским искам. Первая — торговые долговые обязательства. На Тихвинском посаде жили торгово-ремесленные люди. Их торговые операции требовали формирования совместных средств для покупки товара с целью реализации и последующего раздела прибыли или покупки новой партии товара на вырученные деньги в России или за рубежом. Иногда для сделок привлекались заемные средства через оформление кабал. Кабалы были своего рода платежными средствами, ими рассчитывались. Долги взыскивали в судебном порядке. По таким делам обычно проводились прения сторон, называвшиеся очной ставкой. Дел сохранилось 23, из них с приговорами — 13. Вторая группа дел — бытовые конфликты. Тематика таких исков разнообразна — потрава скотом покосов или посевов, раздел имущества, невозврат взятых на время вещей, присвоение чужого скота и т. д. В таких делах практиковалось составление при понятых документа с осмотром («досмотром») ущерба поврежденного имущества или примет спорного. Могли проводиться прения сторон и опрос свидетелей. Всего 28 дел, с приговорами — 10. Следующую группу дел можно считать переходной от гражданского производства к уголовному. Это дела, которые условно можно обозначить современным понятием «хулиганство», т. е. случаи, когда бытовой конфликт сопровождался бранью и побоями. Следы побоев также фиксировали в «досмотрах». При расследовании подобных дел не проводили прения истца и ответчика, а только опрашивали свидетелей. То есть процесс приближался к розыскному, но инициировался челобитной. Истцу надо было заранее озаботиться списком свидетелей («ссылки»). Иногда пострадавшая сторона начинала их записывать прямо на месте происшествия. Так, во время одного из событий — ранее упомянутого

конфликта между кузнецами — «в ряду у квасников Федор с Конаном бранились, и Конан уча на Федора и ссылок писать»¹¹. Таких дел 46, с приговорами — 17¹². Во время некоторых драк также имела место утрата имущества одной из сторон. Отдельно о кражах сохранилось 13 дел, с приговором — 3. Оставшиеся единичные дела — попытка подкупа поручителей, невыплата денег по духовной, два конфликта во время совместного промысла, незаконная торговля вином и расчеты выплат вклада в монастырь.

Структура судебного дела зависела от характера иска. Дела велись в форме столбца. В начале дела, как правило, помещалась челобитная. В имущественных спорах — торговых или бытовых — за ней следовали судебные речи истца и ответчика («очная ставка») и/или показания свидетелей («ссылочных людей»), т. е. тех, на кого ссылались одна или обе стороны. Предпочтение отдавалось общей «ссылке» или, как такого человека (или людей) еще называли, — «общей правде». Иногда перед челобитной помещался начальный протокол очной ставки или расспросных речей, в котором были названы имена проводивших заседание тиуна и целовальника, имя истца и было сказано, что перед ответчиком прочитали челобитную, далее подклеивался ее текст. На обороте самих челобитных иногда ставилась делопроизводственная помета монастырских властей с указаниями по ведению дела. Например, как в деле торговых людей Мининых, о котором будет сказано далее: «157-го апреля в 14 день по приказу игумена Симеона и келаря старца Селивестра з братьею казначею старцу Стефану и тиуну Стефану Матфееву с товарищи перед таможенным головам и целовальником Стефаном Давыдовым да Алексеем Семеновым с товарищи по сей челобитной дать суд в Божью правду»¹³.

В судебные дела по имущественным спорам могли включать копии документов, на которые ссылались стороны — кабалы, отписки (расписки), духовные (завещания). Приговор по делу писался, как правило, начиная с оборота челобитной в нижней части листа, и далее продолжался на судебных речах сторон или расспросных речах свидетелей. Если «на пути» текста приговора попадались рукоприкладные записи на оборотах ранее составленных документах (например, на свидетельских показаниях), то их пропускали и продолжали писать ниже¹⁴. Такая форма записи приговора являлась, с одной стороны, дополнительной формой аутентификации судебного дела, а с другой — не оставляла возможности для фальсификации, не позволяя заменить лист с приговором другим.

Судебное дело, состоящее из челобитной и подклеенных к ней других документов следствия, докладывалось на черном соборе монастырских старцев. Нет сведений о том, делался краткий устный доклад или зачитывалось все дело. Во всяком случае, кратких письменных изложений дел за рассматриваемый период не сохранилось. Состав черного собора мог быть в приговоре описан кратко, например «келарь старец Иона Боранов с братией», или развернуто, с перечислением от двух до девяти имен соборных старцев¹⁵. Так как строгие правила записи отсутствовали, то, вероятно, под словами «с братией»

могли подразумеваться все те же соборные старцы. В любом случае приговор выносился не в присутствии всей братии, так как многие старцы исполняли послушания, в том числе вдали от монастыря в вотчинах и на рыбных ловлях. В экстраординарных случаях на собор, принимавший решение, приглашались миряне. Такие соборы состоялись в апреле и декабре 1661 г., когда выносилось решение о высылке с Тихвинского посада вместе с семьями ранее упомянутого тихвинского кузнеца Федора Жирухина и его подельников — посадских людей Михаила Печонкина, Еремея Семенова и монастырского слуги Еремея Клементиева с семьей. Последнего, как следует из приговора, — за соучастие его сына Андрея Кокли в противоправных действиях первых двух, из-за которых получил тяжкие телесные повреждения монастырский крестьянин¹⁶. В апреле их выслали к воеводе в Великий Новгород, а в декабре окончательно запретили появляться в монастырских вотчинах. При вынесении обоих приговоров среди участников собора названы монастырские слуги и посадские люди, указывалось несколько имен, далее писалось «и все слуги», «и все посадские люди»¹⁷.

Структура приговоров была следующей. В начале указывалась дата, затем перечислялись имена архимандрита и старцев, участвовавших в принятии решения, далее следовало само постановление суда о наказании, иногда с мотивировкой и/или поучением нравственного характера, затем писали решение о том, на ком следует взыскать судебные пошлины, а также, не всегда, но часто, сведения о лице, записавшем приговор. В случае имущественных исков на виновном взыскивался ущерб, в делах о брани, побоях и бесчестье назначалось наказание батогами, плетьюми и выплаты в пользу пострадавших. В некоторых случаях виновным предписывалось «добить челом» истцу, т. е. компенсировать моральный или материальный ущерб¹⁸.

Следует заметить, что монастырское делопроизводство не имело четких выработанных форм и терминологии. Ранее это было показано нами на примере наименования показаний свидетелей, которые могли называться просто речами, расспросными речами, сказкой и обыском¹⁹. Обыском могли называть и процесс расследования, и судебное дело в целом. Также у посадских церковных дьячков и монастырских казенных дьячков не было представления о различии терминов, которыми назывались процесс расследования и акт его письменной фиксации. Поэтому в заключительном протоколе приговора документ, на обороте которого он написан, мог называться по-разному. Из рассматриваемых 46 приговоров указания на то, кто их писал, имеется в 34. В 30 случаях пояснено, что писец действовал по указанию властей. Чаще всего использовалась формулировка — «подписал с собора», т. е. по указанию собора старцев: «А обыск подписал с собору слушка Игнашка Стефанов»²⁰. Имели место и варианты, когда указывались имена архимандрита или старцев: «А приговор писал Пречистые Богородицы Тихвина монастыря по приказу келаря старца Ионы, и казначея старца Александра, и соборных старцов, и всей братии со всего братцкого собору Тихвина же монастыря слушка Игнашка Стефанов»²¹.

Как монастырские дьячки называли документ, на котором они писали приговор? В половине случаев (17) судебное дело названо обыском. Обыск «подписывали», как в цитате, приведенной ранее, или подписывали на нем: «А на обыску подписал по приказу келаря старца Ионы и соборных старцов Ивашко Келейников»²². При этом в первом случае с упоминанием обыска приговор написан на отдельном листе, а во втором — на обороте расспросных речей свидетелей. То есть под словом «обыск» монастырские дьячки, вероятно, все же понимали судебное дело в целом. Есть и более конкретные указания на место размещения приговора: «А на челобитной и на спросных речех с собору подписал слушка Игнашка Степанов»²³; «А на челобитной подписал Ивашко Келейников»²⁴; «А на очной ставке приговор подписал с собору казенной дьячек Игнашка Степанов»²⁵. В последнем случае писец начал писать первую строку приговора по склейке челобитной и судебных речей истца и ответчика («очной ставки»).

Как обосновывались судебные приговоры? При рассмотрении двух наиболее ранних из сохранившихся судебных дел от февраля 1648 г. (дело о долге по кабале покойного тихвинского торгового человека Степана Минина) и от февраля 1649 г. (об обвинении в краже торговым человеком красильником Василием Филипповым своего приемыша Карпа Васильева) монастырскими старцами приговор был вынесен на основании судейского усмотрения. Об этих делах мы писали ранее, второе дело опубликовано²⁶. Благодаря тому, что судьям было хорошо известен нравственный облик истцов, который не соответствовал христианским ценностям, решение принимали исходя не из формальной процедуры: в первом деле тяжущиеся просили о крестном целовании, но им было отказано в связи с выявленными фактами лжесвидетельства; во втором случае вместо вызова в суд свидетелей истца старцы пригласили дать показания его бабушку, благодаря свидетельству которой ответчик был оправдан и ему была присуждена денежная компенсация²⁷.

В большинстве дел решения принимались на основании свидетельских показаний или речей истца и ответчика на очной ставке. В случае, если было установлено, что имущественные претензии обоснованы и их размер очевиден, монастырским слугам приказывали взять деньги или имущество у ответчика и отдать истцу. Если у монастырских властей расчеты вызывали затруднение, то этот вопрос отдавался на рассмотрение третейского суда, состоявшего из компетентных лиц, которым доверяли обе стороны. Например, в 1650 г. ранее упомянутым посадским людям дяде и племяннику Мининым надо было произвести расчеты по кабалам, связанным с торговыми операциями. Для этого по решению монастырского собора было предложено собрать третейский суд, что и было сделано²⁸. Подобный суд назначался и по менее значительным поводам. В 1659 г. «добрые люди», т. е. жители посада, обладавшие хорошей репутацией, должны были определить стоимость овец, украденных у истца и забитых соседями²⁹.

Если тяжущиеся не могли предоставить свидетелей, то спор решали с помощью крестного целования, для последнего использовался термин «дать на веру», или жребия. Например, в 1660 г. результат очной ставки между посадскими людьми не позволил установить, кому именно принадлежал спорный топор, и был вынесен следующий приговор: «168-го году апреля в день келарь старец Иона Баранов з братьею сего дела слушали, а выслушав приговорили: Бориску Пахомову с Бвашком Игнатъевым дать жеребей, потому что меж ими людей ссылочных нет и правды сыскать неким»³⁰. Вероятно, предполагалось, что жребий выпадет правому. Эта практика соответствовала Уложению, в котором предписывалось решать иски стоимостью меньше рубля с помощью жребия³¹.

Иногда обе стороны целовали крест, настаивая на своей правоте, что было неприемлемо с нравственной точки зрения, но допускалось, так как определить, кто именно солгал, целуя крест, власти не могли. Тогда следующим этапом был жребий. Как уже было сказано, в крестном целовании сторонам могли отказать из нравственных соображений. В деле о долгах тихвинского торгового человека Семена Минина старцы так обосновали свое решение: «И по судному списку, и по ложных свидетелей скаске попа Максима да попа Пентелея, выискивав истцово с ответчиком меж ими правды, не хотя меж их учинить душевредства, чтоб их розвести без крестного целованья в правду. И, выслушав судного дела на соборе, истцовы исправки не приискали, а ответчика обвинить не по чему же. Ложные свидетели поп Максим да поп Пентелей своими неправдами их меж себя связали. И мы, отводя их от душепагубного греха и не хотя им напрасного крестного целованья, приговорили на соборе: платить в ту Ефимову кабалу по сыску без крестного целованья»³². Выплаты по заемной денежной кабале покойного Семена Минина были разделены между родственниками, поручителями и священниками-лжесвидетелями, на которых были положены двойные части в раскладке.

В челобитной тихвинского посадского человека Федора Харитонова на старца Успенского Тихвинского монастыря Исайю Телеша описана процедура крестного целования по их спору о кабальном долге, возникшем, когда старец еще жил в миру. В 1671 г. проведению целования воспрепятствовали местные жители на том основании, что в прежней мирской жизни старец не отличался добропорядочностью: «И священник Максим Дмитриев вынес крест на налое перед церковь. И он, старец, безстрашнем не вспоминая будущаго воздаяния, хотел дерзнуть крест целовать. И в то время прилучилося дворян и посадцких людей много. И его, старца Исайя, видя безстрашие, от такова душепагубнаго греха на великую силу отвели, креста целовать не дали, и прежные на него в укоризну ему ево неправды в улику ему сказывали. И ныне он то дело и закинул»³³. Из описания следует, что крестное целование проводилось в присутствии членов местной общины, которым позволялось высказывать свое мнение о происходящем. На обороте этой же челобитной записан приговор по делу, согласно которому решение было принято в пользу Федора Харитонова³⁴.

Ссылки на статьи Соборного уложения 1649 г. в приговорах встречаются редко. Впервые наличие экземпляра Уложения в монастырской библиотеке зафиксировано в Описи монастырского имущества 1668 г.³⁵ Но первая известная ссылка на него относится к октябрю 1659 г. Тихвинские посадские люди Роман и Афанасий Волковы за оскорбление и избиение преображенского дьячка Ивана Васильева должны были уплатить последнему три рубля за бесчестье. Номер главы и статьи в приговоре не названы, но состав преступления и сумма штрафа совпадают с 98-й ст. 10-й главы Уложения³⁶. В июле 1665 г., также со ссылкой на Уложение, было принято решение о выплате четырех рублей за «бесчестье» не названной по имени дочери вдовы Ефросинии, о которой Сидор Тимофеев сын Лукавого говорил, что с ней «для поволнухи ходил один», на что вдова в челобитной утверждала, что ее дочери «за бездельем не ходят, и в приводе в той бездельной статьи не бывали»³⁷. Выражение ходить «за бездельем» в отношении женщин встречается и в других судебных делах, оно подразумевает блуд или прелюбодеяние. В 99-й ст. 10-й главы за бесчестье «дочери девки», «какова чину ни буди», полагалось выплатить четыре отцовских оклада. В этом деле за оскорбление девицы дочери вдовы назначили компенсацию в размере 4 руб. Конкретная статья в приговоре, как и в других случаях, не указана. Трудно сказать, какая сумма дохода в данном случае была взята за отцовский оклад, но она была равна штрафу по Уложению за бесчестье рядовому монастырскому слуге 1-й статьи³⁸. В другом случае посадский человек Никифор Печонкин был обвинен в бесчестье в отношении жены Алексея Семенова Прасковьи. Прогуливаясь с компанией, Никифор встретил ее на улице посада, обхватил руками, и с нее упал шлык (головной убор). За то, что ответчик женщину «простоволосу учинил», последовал приговор: «Никифорка Печонкина по скаске ссылочных людей обинили, и за то его озорничество смирять у таможни плетьми нещадно, чтоб было на то смотря неповадно иным так озорничать и чужих жен бесчестить»³⁹. Другой случай обращения к Уложению: в мае 1661 г. посадские люди спорили о принадлежности борова, свидетельские показания разнились⁴⁰, и монастырские старцы воспользовались 161-й ст. 10-й гл. Уложения, согласно которой, решение принималось в пользу той из сторон, за которую высказалось больше обыскных людей, т. е. свидетелей⁴¹.

Для монастырских властей, помимо назначения наказания, важно было подчеркнуть в приговоре его нравственную составляющую. В приговоре по кабальному долгу торгового человека Семена Минина особо сказано о пагубности лжесвидетельства священников: «Потому на их вдвое платить и положено, что они своими неправдами меж ими в том деле бражничеством смутили. Достоинно было им правда чинить и детей своих духовных от греха отводить, разрешать, а не вязать. Понеже бо суть учителя нарицаются, во весь мир соль, а не сор чинить. Ныне в мало время они тех людей связали, а впредь иных тако же хотят оболгати своими неправдами. И чтоб им впредь таких дел чинить непостоянным своим бражничеством было неповадно»⁴². Другой пример — в 1659 г. посадский

человек подал челобитную о матерной брани на него, но в ходе разбирательства выяснилось, что бранились и истец, и ответчик. Наказание получили обе стороны конфликта: «...сего обыскного дела слушали, а выслушав приговорили по скаске ссылочных людей, которые в сем обыску сказали, что де Якушко Остратов с Ъвашком Дорофеевым меж себя бранилися всячески, и за тое их вину приговорили их обоих смирать монастырским смирением, бить батогами, чтоб им меж себя впредь бранитца неповадно»⁴³. В апреле 1660 г. при разборе конфликта между Михаилом Печонкином и Иваном Чаплиным, который матерно бранил мать Михаила и его самого, в отношении последнего проявили снисхождение, вероятно, потому, что он защищал мать, но в приговоре поставили условие: «...приказали Мишкине матери доправить безчестья денег два рубля на Ивашке и отдать те деньги Мишкине матери, потому что его, Мишки, неведая, мать родила и кормя радовалась, что растет, доброй человек будет, и его Мишкино прежнее плутство было, за то ему безчестье не указали, чтоб впредь от дурна унялся и ни с кем бы не бранился»⁴⁴. К сожалению, Михаил не внял наставлению, не «унялся» и, как уже было сказано, в следующем году был выслан из монастырской вотчины за серьезное преступление.

Наказывалось бездоказательное обвинение в любых противоправных действиях, которое как в судебных документах, так и в перепалках между людьми обозначалось словом «воровство». Посадский человек Игнатий Голубов был недоволен работой монастырского выборного окладчика Дмитрия Погудина, произошел конфликт, ругались оба, но последний в качестве обоснования своих слов припомнил историю о том, что у Игнатия в Ладогe изъяли «непрямое воровское серебро». Вероятно, случай был недоказанным, и виноватым власти сочли окладчика: «...смирати ево монастырским смирением, перед таможеню бити батоги нещадно, чтобы на то смотря иным неповадно было бранитца и друг друга воровством поносить»⁴⁵. Иногда при рассмотрении дел о брани обвинительные приговоры выносились обоим сторонам: «...обоих смирать монастырским смирением, бить батогами, чтоб им меж себя впредь бранитца неповадно»⁴⁶; «...обеюх, истца и ответчика, бить батоги, что у них брань и драка была опчая, друг другу нетерпили»⁴⁷. Подход монастырских властей к наказанию за использование бранных слов не совпадает со статьями Соборного уложения 1649 г., согласно которому за «непригожие слова» назначался штраф⁴⁸.

Строго наказывали за ложные показания. В 1661 г. посадский человек Стефан Моисеев обвинил вдову Пелагею в краже 15 руб., но, согласно показаниям свидетелей, жена истца говорила о пропаже 40 алтын. Истец был наказан за завышение суммы иска: «...и в том ево Степашкова вина, и о том ему, Степашку, отказали и впредь не бить челом, а за тое ево вину указал смирать монастырским смирением, бить батоги, чтоб на то смотря и иным неповадно так плутать и неправдою искать»⁴⁹. Здесь и в других случаях термин «плутать» использовался для обозначения серьезных правонарушений. В 1662 г. вдова посадского человека Григория Попова Марья подала иск на брата мужа, который лишил

ее имущества, в том числе приданого, и пытался выгнать со двора, купленного на ее деньги. Истица требовала все поделить согласно «приказной памяти», которую муж оставил, уезжая на промысел в «литовские города»⁵⁰. В приговоре от 2 июля 1662 г. постановили, что вдове следует отдать ее приданое, четвертую часть имущества мужа и половину двора. Но брат покойного Перфилий утаил имущество Григория, за что в приговоре от 15 июля того же года в качестве компенсации за имущество был лишен присужденной ранее половины двора⁵¹.

Не поощрялось также самоуправство. Например, на Тихвинском посаде произошел инцидент, окончившийся дракой. Посадский человек Андрей Корелянин увидел незнакомого «детину», одетого в украденные у него рубаху и портки. Схватив парня, он повел его на торг в калачный ряд, вероятно, желая продемонстрировать тем, кто мог опознать вещи. Другой посадский человек Иван Спиридонов настойчиво советовал вести пойманного в таможенную избу или на монастырское подворье, но Андрей отказался его слушать. На этой почве конфликт между ними дошел до брани и побоев. Свидетель видел, как «друг друга бьют по щекам, а у вобиюх руда (кровь. — О. А.) из зуб течет»⁵². 26 марта 1660 г. стороны подали друг на друга челобитные, приговоры по которым состоялись 30 марта. Андрея Корелянина (Наумова) осудили за то, что он первым начал драку, обозначая это термином «задор»: «...сего сыскного дела слушали и, выслушав, приговорили исца Ондрюшку Наумова обинили потому, что ссылочные люди сказали, как Ивашко Спиридонов стал ему говорить о детине и он, Ондрюшка, обезстрашась наперед дерзнул его, Ивашка, рукою ударить, и с того задору и драка учинилась, и за тое вину на нем, Ондрюшке, взять приказным слушкам указные свои хоженные, по чему ведетца, и подписное на виноватом на Ондрушке, потому что не дерзай рукою, не бив челом влаstem»⁵³. В свою очередь Иван Спиридонов понес наказание за то, что его активное участие в событиях выглядело как заступничество за вора: «...исца Ивашка Спиридонова обинили, потому что ссылочные люди сказали, что он, Ивашко, с стороны пришед, и за того вора детину учал говорить, и с корелянином и братом того сталась, и то стало прилично бутто и он, Ивашко, про тое его детину кражу отдал, а кабы он, Ивашко, хотел прав быть, и он бы к такому татинному делу не приставал, как и иные люди, и за тое его Ивашкову вину приказным слушкам хоженные указные и подписной алтын доправить на нем, Ивашке, по сему сыску, что доведетца»⁵⁴.

Изучение судебных дел, хранящихся в архиве Успенского Тихвинского монастыря, показывает, что монастырский вотчинный суд иногда пользовался для принятия решений статьями Соборного уложения 1649 г., но и обладал свободой в части определения наказаний для провинившихся, так как формально не обязан был следовать нормам Уложения. Несмотря на суровость с современной точки зрения некоторых приговоров, приводимые в таких случаях мотивировки апеллировали к христианским нравственным началам.

- ¹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1. Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / Сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. (Сер. «Тихвинский архив»). С. 32–36, 41–45, 46–51, 179–193.
- ² Там же. С. 193.
- ³ Амплеева Т. Ю. Судостроительство и уголовное судопроизводство в Московском централизованном государстве // Публичное и частное право. 2011. Вып. 1 (9). С. 26.
- ⁴ Козляков В. Н. 1) Эволюция церковного суда в России в первой половине XVII века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 7–19; 2) Социум и грех. Нарушения нормы частной жизни по материалам церковного суда в России второй половины XVII века // Петербургские славянские и балканские исследования. 2024. № 2 (36). С. 218–230.
- ⁵ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.
- ⁶ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 229.
- ⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 5. Д. 200–202, 207–208, 213–215; Картон 6. Д. 7.
- ⁸ Там же. Картон 2. Д. 48, 243; Картон 3. Д. 7, 43.
- ⁹ Там же. Картон 8. Д. 93, 94, 135, 171, 210.
- ¹⁰ Маньков А. Г. Соборное уложение 1649 года. С. 228; Хащина Э. Э. Эволюция форм судебного процесса в Московском государстве в конце XV — первой половине XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. С. 41–64.
- ¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 6. Д. 8. Л. 3.
- ¹² В качестве примера также можно привести более позднее дело от 2–3 октября 1678 г. о нанесении ножевых ран в состоянии опьянения старцем Успенского Тихвинского монастыря Игнатием старцу того же монастыря Манасию. В публикации оно названо приговором, но анализ текста показывает, что текст состоит из челобитной пострадавшего, допроса его ран, расспросных речей свидетеля иеромонаха Тарасия и приговора по делу о наказании ответчика плетью (см.: Акты юридические. СПб., 1838. № 70. С. 109).
- ¹³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 7. Л. 1 об.
- ¹⁴ См., например: Там же. Картон 6. Д. 279. Л. 2 об.
- ¹⁵ См., например: Там же. Д. 6. Л. 1 об.; Д. 15. Л. 2 об.; Д. 56. Л. 2 об.; Д. 67. Л. 1 об.; Д. 85. Л. 1 об.
- ¹⁶ Об этом судебном деле см.: Поляков И. А. Взаимоотношения Тихвинского Успенского монастыря и Тихвинского посада (по материалу судебных дел) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 289–300.
- ¹⁷ Акты юридические. № 64. I и II. С. 104–105. Современное местонахождение этих документов установить не удалось.
- ¹⁸ См., например: Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 5. Д. 214. Л. 2 об. Конона Чаплина обязали «добить челом» Федору Жирухину за оскорбления.
- ¹⁹ Абеленцева О. А. К вопросу о наименовании документов в монастырском судебном производстве (по материалам архива Успенского Тихвинского монастыря конца 1640–1650-х годов) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2023. С. 7–9.
- ²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 6. Д. 63. Л. 1 об.
- ²¹ Там же. Д. 51. Л. 2.
- ²² Там же. Картон 5. Д. 213. Л. 3 об.
- ²³ Там же. Д. 92. Л. 1 об. — 2 об.
- ²⁴ Там же. Картон 6. Д. 6. Л. 1 об.
- ²⁵ Там же. Картон 4. Д. 184. Л. 1 об. — 2 об.
- ²⁶ Абеленцева О. А. Суд «в Божью правду»: судебное производство на посаде Успенского Тихвинского монастыря в середине XVII века // Правовая культура Московской Руси (XV–XVII вв.): к 520-летию первого общерусского Судебника: сборник научных трудов. СПб., 2018. С. 210–220.

- 27 Там же. С. 210–213.
 28 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 43. Л. 1.
 29 Там же. Картон 6. Д. 15. Л. 2 об.
 30 Там же. Д. 113.
 31 Соборное уложение 1649 г. С. 72. Гл. 13. Ст. 10.
 32 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 7. Л. 11.
 33 Там же. Картон 14. Д. 133. Л. 1.
 34 Там же. Л. 1 об.
 35 Там же. Оп. 2. Д. 245. Л. 112.
 36 Соборное уложение 1649 г. С. 38.
 37 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 7. Д. 74. Л. 1.
 38 Соборное уложение 1649 г. С. 38. Гл. 10. Ст. 96.
 39 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 6. Д. 1. Л. 1 об.
 40 Там же. Д. 230.
 41 Соборное уложение 1649 г. С. 49. Гл. 10. Ст. 161.
 42 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 3. Д. 7. Л. 12.
 43 Там же. Картон 6. Д. 20. Л. 1 об.
 44 Там же. Д. 111. Л. 2 об.
 45 Там же. Д. 63. Л. 1 об.
 46 Там же. Д. 20. Л. 2 об.
 47 Там же. Картон 5. Д. 209. Л. 2 об.
 48 Соборное уложение 1649 г. С. 34–38. Гл. 10. Ст. 27–99.
 49 Архив СПБИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 6. Д. 231. Л. 3 об.
 50 Там же. Картон 7. Д. 71. Л. 1.
 51 Там же. Л. 4 об., 7 об.
 52 Там же. Картон 6. Д. 101. Л. 2.
 53 Там же. Л. 2 об.
 54 Там же. Д. 95. Л. 2 об.

References

Abelentseva, O. A. K voprosu o naimenovanii dokumentov v monastyrskom sudebnom deloproizvodstve (po materialam arkhiva Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya kontsa 1640–1650-kh godov) [On the Issue of Naming Documents in Monastic Judicial Proceedings (Based on Materials from the Archives of the Assumption Tikhvin Monastery from the Late 1640s–1650s)]. In Russ.]. In Konovalova, I. G., Pchelov, E. V. (eds.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii*. Moscow, IVI RAN press, 2023, pp. 7–9.

Abelentseva, O. A. Sud “v Bozh'yu pravdu”: sudebnoe proizvodstvo na posade Uspenskogo Tikhvinskogo monastyrya v seredine XVII veka [A Trial “in God’s Justice”: Legal Proceedings at the Dormition Tikhvin Monastery in the mid-17th Century. In Russ.]. In Dunaeva, N. V. (ed.). *Pravovaya kul'tura Moskovskoi Rusi (XV–XVII vv.): k 520-letiyu pervogo obshcherusskogo Sudebnika*. St. Petersburg, Prezidentskaya biblioteka press, 2018, pp. 210–220.

Ampleeva, T. Yu. Sudoustroistvo i ugovnoe sudoproizvodstvo v Moskovskom tsentralizovannom gosudarstve [The Judicial System and Criminal Proceedings in the Moscow Centralized State. In Russ.]. In *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2011. No. 1 (9), pp. 15–32.

Khashchina, E. E. *Evolutsiya form sudebnogo protsessa v Moskovskom gosudarstve v kontse XV – pervoi polovine XVII v.* [The Evolution of Judicial Forms in the Muscovite State in the Late 15th – First Half of the 17th Centuries. In Russ.]; dis. ... kand. yuridicheskikh nauk. Kursk, 2018, 173 p.

Kozlyakov, V. N. Evolyutsiya tserkovnogo suda v Rossii v pervoi polovine XVII veka [The Evolution of the Church Court in Russia in the First Half of the 17th Century. In Russ.]. In *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina*. 2022. No. 4 (77), pp. 7–19.

Kozlyakov, V. N. Sotsium i grekh. Narusheniya normy chastnoi zhizni po materialam tserkovnogo suda v Rossii vtoroi poloviny XVII veka [Society and Sin. Violations of Privacy Standards Based on Ecclesiastical Court Cases in Russia in the Second Half of the 17th Century. In Russ.]. In *Peterburgskie slavyanskii i balkanskiye issledovaniya*. 2024. No. 2 (36), pp. 218–230.

Man'kov, A. G. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodal'nogo prava Rossii* [Cathedral Code of 1649. Code of Feudal Law of Russia. In Russ.]. Leningrad, Nauka publ., 1980, 271 p.

Polyakov, I. A. *Vzaimootnosheniya Tikhvinskogo Uspenskogo monastyrya i Tikhvinskogo posada (po materialu sudelnykh del)* [Relationships between the Tikhvin Dormition Monastery and the Tikhvin Posad (Based on Court Cases). In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2018. No. 3, pp. 289–300.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**О. А. Абеленцева. Судебное производство в Успенском Тихвинском монастыре во второй половине XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2026. № 2. С. 27–39.
DOI 10.51255/2311-603X_2026_2_27**

Аннотация: Статья посвящена изучению судебного производства в Успенском Тихвинском монастыре, которому было дано право суда над населением вотчин. На примере судебных дел за 1648–1660 гг. проанализирована тематика подаваемых исков, делопроизводственные особенности оформления судебных дел, их структура, используемая терминология, состав лиц, проводивших следственные действия и выносивших решения по делам разной степени важности. Также рассмотрены случаи обращения к Соборному уложению 1649 г. при назначении наказания и решения, не совпадающие с постановлениями его статей. Показано, что монастырские соборные старцы при вынесении приговоров считали необходимым дать нравственную оценку ситуаций, приведших к судебному разбирательству.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, вотчинный суд, церковный суд, Соборное уложение 1649 г., судебные дела, судебные приговоры, судебное делопроизводство XVII в.

FOR CITATION

**O. A. Abelentseva. Judicial Proceedings in the Assumption Tikhvin Monastery in the Second Half of the 17th Century // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2026, pp. 27–39.
DOI 10.51255/2311-603X_2026_2_27**

Abstract: The present article examines judicial proceedings in the Tikhvin Dormition Monastery, which was granted the right to judge the population of the estates. Utilising court cases from 1648 to 1660 as illustrative examples, this study undertakes a comprehensive analysis of the subject matter of the claims filed, the administrative procedures employed for case processing, their structural configuration, the terminology utilised, and the composition of the personnel responsible for conducting investigations and rendering decisions in cases of varying importance. Furthermore, the study examines instances of reference to the Cathedral Code of 1649 when sentencing and decisions that conflicted with its provisions. This finding suggests that the monastery elders regarded it as essential to undertake a moral evaluation of the circumstances giving rise to the trial when determining sentences.

Key words: Tikhvin Assumption Monastery, patrimonial court, church court, Cathedral Code of 1649, court cases, court sentences, court proceedings of the 17th century.

Автор: Абеленцева, Ольга Алексеевна — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела средневековой истории России Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Abelentseva Olga Alekseevna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Medieval History of Russia, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: oaabelen@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9978-230X